

О некоторых тенденциях в освещении Отечественной войны 1812 года современными украинскими историками

За годы существования независимой Украины в освещении событий Отечественной войны 1812 года наметился ряд тенденций, которые являются практически общими для большинства авторов, затрагивающих данную проблему. Они сводятся к следующему: отказ от признания отечественного характера войны для украинского народа и употребления самого термина «Отечественная война 1812 года»; утверждение о якобы наличии у Наполеона планов создания на территории Украины независимого государства - «Наполеониды»; утверждение о широком распространении сочувствия французам среди образованной части украинского общества, в первую очередь, дворянства; замалчивание фактов массовой поддержки населением края военных усилий российского правительства; замалчивание участия украинских казачьих полков и ополчения в боевых действиях в 1812-1814 гг.; акцентирование внимания на материальных и человеческих жертвах, принесенных украинским народом в «чужой» для него войне.

Все вышеизложенные тезисы не представляют собой каких-то новых подходов к освещению темы, опирающихся на неизвестные прежде документы, а по существу являются лишь повторением утверждений украинской эмигрантской историографии 30-50-х годов прошлого века.

Как мы уже отмечали в выступлениях на прошлых конференциях, чаще всего упоминание о событиях 1812 года можно найти на страницах общих курсов истории Украины. Среди многочисленных изданий подобного рода, обращает на себя внимание книга Ярослава Грицака «Очерк истории Украины. Формирование современной украинской нации XIX-XX вв.ⁱ Адресованная главным образом преподавателям и учащимся средних и высших учебных заведений, она соединила в себе черты учебника и научной работы. При этом автор сделал ударение не на освещении фактов, а на их интерпретации. События 1812 года он рассматривает с точки зрения их влияния на рост национального самосознания украинцев. Рассуждения Я. Грицака на эту тему не содержат в себе ни новых фактов, ни оригинальных интерпретаций, хотя его выводы, на наш взгляд, во многом являются верными.

Характерной фигурой в общественной и культурной жизни Украины начала XIX в. был так называемый тип малоросса, соединявший в себе любовь к Украине, ее природе, фольклору и т.п. с лояльностью к Российской империи, пишет Я. Грицак. Потому во время наполеоновского нашествия, украинское дворянство в целом было охвачено «проимперскими патриотическими чувствами». Случаи выражения симпатий французскому императору носили единичный характер. Причину подобного поведения Я. Грицак объясняет тем, что дворянство ничего не знало о планах Наполеона создать украинское государство.ⁱⁱ Война затронула лишь несколько уездов на западе Украины, потому не оставили глубоких следов в народной памяти, справедливо отмечает он. Однако влияние войны испытала на себе образованная часть общества, что проявилось уже после ее окончания. «На Украине, как и в других восточнославянских землях Российской империи, влияние наполеоновской кампании имело парадоксальный характер: с одной стороны, победа над врагом вызвала среди местной элиты чувство гордости за свое славянское происхождение и укрепила лояльность к империи, с другой — пробудила понимание того, что политическая система этой империи требует глубоких изменений. Из этого духа противоречия выросли российские масоны и декабристы, украинские автономисты и белорусские будители. О чем метко сказал один из видных декабристов Матвей Муравьев-Апостол - "Мы — дети 1812 года"ⁱⁱⁱ.

Едва ли не единственной за рассматриваемый период публикацией по интересующей нас теме оказалась небольшая статья харьковского историка Владимира Кравченко во 2-м выпуске сборника «Восток-Запад»^{iv}. Фактически она представляет комментарий к опубликованному здесь же документу под названием «Примечания о Малороссии», обнаруженному В. Кравченко в хранящемся в РГВИА фонде А. Аракчеева. Документ представляет собой пространную записку, адресованную военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Ее содержание охватывает историю края, его социально-политическую

и правовую систему, экономику, описание национального характера жителей, оценку реформ российских властей и т.п. Записка заканчивается прогнозом ситуации, которая может возникнуть при вторжении неприятеля в пределы Малороссии. Автором записки предположительно является подполковник Петр Андреевич Чуйкевич - сотрудник Особенной канцелярии военного министра, в обязанности которого входил сбор разведывательной информации и составление на ее основе аналитических записок. Будучи уроженцем Украины, П.А. Чуйкевич в «Примечаниях» введет речь о предметах хорошо ему известных, обнаруживая личную позицию практически по всем затронутым в записке вопросам. В. Кравченко относит автора «Примечаний» к так называемым интеграционистам - той части украинского общества, которая выступала за полное слияние своей родины с Россией, вплоть до культурной и языковой ассимиляции. Впрочем и интеграционисты и их антиподы - традиционалисты одинаково враждебно относились к наполеоновской Франции. «Одних пугала связанная с нею перспектива крестьянской войны, других - призраки шляхетской Речи Посполитой. Лояльность одних находила свое обоснование в кодексе дворянской чести, верности монарху, других - глубоко укоренившемся чувстве враждебности к неправославному, в том числе западному миру»^v. Автор публикации отмечает лояльность украинского дворянства к России, его массовое участие в оборонительных мероприятиях правительства и констатирует, что о наличии на Украине организованной прона-полеоновской оппозиции говорить не приходится.

Представляют интерес и мысли, высказанные в «Примечаниях о Малороссии». Историческое вступление выдержано в духе казацкой историографической традиции. Автор похвально отзывается о Хмельницком и признает, что в результате победоносного восстания Украина получила независимость. Далее он пишет о несовершенстве правовой системы, слабом развитии торговли. Характеризует недостатки и достоинства нации: «Отличительный нрав жителей Малороссии совершенно подобен польскому, ибо нет земли, где бы столь много производилось тяжб между ближайшими родственниками. Народ сей страны всегда любил свободу и ненавидел дворянство. Народ не любит россиян, от коих различается наречием, обычаями и нравами. Имя москаль служит у них посменным. Жители Малороссии имеют сильное воображение, но природное их непостоянство и леность не позволяют им быть способными к углубленному и продолжительному упражнению»^{vi}.

Острой критике подвергнуто дворянство, которое, по мнению автора, своим возникновением обязано незаконному присвоению государственных земель. Пишет он о глубоком социальном антагонизме в украинском обществе, ненависти народа к дворянству, массовом бегстве на Дон и постоянных апелляциях к властям о восстановлении казачества. В социальной напряженности видит автор «Примечаний» главную опасность накануне войны и предупреждает о возможности восстания. «Если правительство отправит в Малороссию верных людей для исследования духа ее жителей, они увидят вообще тайное, но сильное негодование... Сей край, в коем ненависть народа к дворянству очевидна, может быть возмущен. Сие бедствие может исполниться в случае принуждения наших войск к отступлению на левый берег Днепра перед оружием неприятельским. В нынешних обстоятельствах правительство не должно ослаблять своего надзора над Малороссиею. Благоразумными и быстрыми способами можно будет водворить в оной доверенность к правлению. При том не должно оставлять сего края без войск, необходимых к сохранению его спокойствия». Но пугая восстанием, он даже не намекает на наличие в крае политической оппозиции и угрозу сепаратизма. Предотвратить потенциальный взрыв, по мнению автора, можно заменив действующего генерал-губернатора Я.И. Лобанова-Ростовского на человека «известного своей кротостью, мудростью и твердостью»^{vii}.

Говорится в записке и о целесообразности возрождения украинского казачества и отмены рекрутской системы. «Доказано, что малороссиянин несомненно способнее к конной службе, чем к пешей. В первом случае он храбр и отнюдь не бегаёт, во втором же становится трусливым и беглецом. Военная служба по части кавалерии весьма потеряла от перемены способа комплектования полков людьми набранными из разных частей Малороссии. Малороссиянин страдает от сей перемены службы и видя себя в полку, коего четвертой части не находит составленной из своих соотечественников»^{viii}.

К сожалению, осталась неизвестной реакция М.Б. Баркляя де Толли на записку П.А. Чуйкевича. Автор публикации не упоминает о каких-либо резолюциях военного министра

на документе. Мы же от себя можем добавить, что по крайней мере одна из высказанных там мыслей - о восстановлении казачества - была взята властями на вооружение, что нашло выражение в создании Украинской конно-казачьей дивизии, Полтавского и Черниговского казачьего ополчения. Публикация В. Кравченко означает введение в научный оборот нового источника, позволяющего существенно углубить представление о ситуации на Украине накануне наполеоновского нашествия.

Большое внимание украинские историки уделяют казачеству. При этом богатая история казачьих формирований конца XVIII-XIX вв., существовавших после ликвидации Запорожской Сечи и Гетманщины, оставалась за рамками исследований на том основании, что эти формирования искусственно создавались российским царизмом, обслуживали его интересы и не несли в себе национальных украинских черт. Свидетельством преодоления подобного узкого взгляда на украинское казачество в XIX в. стала книга «Казачество на Юге Украины. Конец XVIII-XIX век», подготовленная учеными Одесского национального университета совместно с научно-исследовательским институтом истории казачества при Институте истории Национальной академии наук Украины^{ix}. Книга содержит очерки и документы освещающие страницы истории, боевые традиции, быт казачьих войск юга: Азовского, Бугского, Екатеринославского, Дунайского и других, создававшихся русским правительством на протяжении XVIII-XIX вв. для защиты границ и освоения Приазовья и Причерноморья. Позиция авторского коллектива, изложенная в предисловии, существенно отличается от стереотипного подхода большинства украинских историков к взаимоотношениям властей и казачества. «Возникновение казачьих войск... стало результатом совпадения интересов разных социально-политических сил. С одной стороны, бывшие запорожцы и задубайцы... стремились восстановить если не Сечь, то похожую организацию, которая могла бы обеспечить им благоприятные условия для хозяйствования, освободить от феодального гнета, предоставить льготы, реализовать их желание "казаковать". За это они были готовы нести военную службу, принимать участие в боевых действиях. С другой стороны, российское правительство, заинтересованное в скорейшем освоении региона, охране границ, пополнении воинских кон-тингентов... с похвалой принимало желание самих казаков. Кроме того, правительство само проявляло инициативу в создании казачьих формирований, считаясь с тем, что пребывание в регионе большого количества неорганизованного населения с укоренившимся стремлением к казачьей воле могло стать небезопасным для государства и эту "казачью" энергию населения нужно было направить в контролируемое русло»^x.

Из казачьих войск Юга в Отечественной войне 1812 года принимали участие три полка Бугского войска, особенно отличившиеся в ходе Заграничных походов 1813— 1814 гг. В книге приводится ряд документов о действиях, бургских казаков против наполеоновской армии. К сожалению, все они были ранее уже опубликованы в широко известных сборниках материалов ВУА «Отечественная война 1812 г.» и «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.» и не вносят в освещение событий войны ничего нового. Однако показателен сам факт публикации таких документов.

Несмотря на малочисленность, названные публикации характеризуются стремлением их авторов отойти от стереотипов принятых в освещении войны 1812 года в современной украинской историографии. Показательным, на наш взгляд, является появление подобной тенденции в работах конца 90-х годов XX - начала XXI в. Таким образом, пока еще недостаточно четко, но все же обозначается переход от национально-романтического восприятия минувшего Украины к более взвешенному и глубокому учету всех факторов, оказавших влияние на ее развитие и формирование украинской нации, среди которых заметное место принадлежит Отечественной войне 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX - XX століття. Київ, 1996.

ⁱⁱ Там же. С. 28.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 29.

^{iv} Кравченко В.В. Україна напередодні російсько-французької війни 1812 р. Очіма сучасника//Схід-Захід (історико-культурологічний збірник). Харків, 1999. Вип. 2. С. 198-211.

^v Там же. С. 200.

^{vi} Там же. С. 205.

^{vii} Там же. С. 209.

^{viii} Там же. С. 208.

^{ix} Козацтво на Півдні України, Кінець XVIII-XIX ст. Одеса, 2000.

^x Там же. С. 5.